

Другая Франция

Венсан Кассель в молодежном ужастике «Шайтан»

Смотрел Андрей Плахов

Когда несколько месяцев назад в Париже проходила премьера фильма «Шайтан», весь город был завешан его пугающими афишами. В смурном, клыкастом и заросшем типе с трудом опознавался самый энергетичный актер Франции Венсан Кассель. А перед официальным выходом картины в прокат состоялся ее эксклюзивный показ в кинотеатре Rex, куда прорваться было непросто задачей даже для зрителей с билетами. Выглядел «весь Париж» как буйная толпа молодых людей самых разных цветов кожи — орущих, свистящих и приветствующих своего кумира Касселя. Потом на сцене появились другие участники фильма — режиссер-вьетнамец Ким Шапирон и актеры-исполнители, многие негритянского и арабского происхождения. Потом начался фильм — от начала до конца он сопровождался воплями и гоготом, как на просмотрах культовых B-movies, только что друг дружку не обливали водой. Это было ничуть не похоже на традиционный элитный парижский показ: не тот стиль, не та публика. Как сказал сам Кассель, на этом просмотре собралась «другая Франция».

Знаменитый актер играет звероподобного монстра, в плену у которого оказалась компания юных прожигателей жизни, считавших себя очень крутыми до тех пор, по-

Венсана Касселя с трудом можно опознать в образе звероподобного монстра

ка не встретились с настоящей крутизной. По сюжету «Шайтан» немного напоминает нашу «Охоту на пиранию»: герой Касселя и окружающие его отморожки, даром что живут в часе езды от Парижа, смахивают на колонию сибирских дикарей. Слово «шай-

тан», «сатана», — восточного происхождения, оно вошло в обиход нового поколения французов и означает что-то вроде «бандита». Сегодня мусульмане — настоящие или стилизующие себя под исламизм — формируют многие популярные в обществе имид-

жи. А этнические французы все больше увлекаются этой субкультурой, влекомые исходящей от нее опасностью и могучей потенцией.

И все же самое интересное в картине — это Кассель, который в своем уже не юном возрасте остается культовой фигурой для целого поколения молодежи и для детей разных народов, ныне населяющих Францию. Это произошло после ролей актера в «Добермане», в «Ненависти», в «Необратимости». Он никогда не играл в типичных французских фильмах, всегда предпочитал парижскому гламуру жестокий мир окраин и задворков (как раньше говорили — трущоб капитализма), скопление разных цветов кожи, взрывную помесь разных религий. Что не мешает теперь Касселю стать ведущим церемонии открытия и закрытия предстоящего Каннского кинофестиваля.

В титрах «Шайтана» указана жена Касселя — Моника Беллуччи, но невооруженным глазом эту патентованную красавицу там трудно разглядеть. Поэтому не лишне знать, что Моника играет вампира в черно-белом фильме, который взалхлеб смотрит сотрудник автозаправки, когда туда совершают набег хулиганы. Такое уж у этой актрисы амплуа: в свое время она начинала в «Дракуле» у Коппола — и вот опять вернулась к вампирской теме.

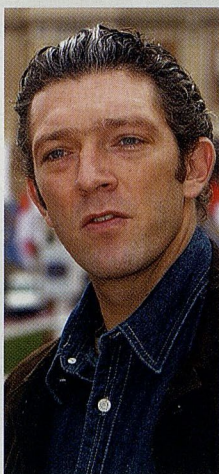
В московских кинотеатрах с 4 мая

«Лицо французской молодежи изменилось»

После парижской премьеры «Шайтана» с Венсаном Касселем побеседовал Андрей Плахов.

— Можно ли считать ваш фильм очередным, после «Необратимости», семейным проектом?

— Моника — моя жена, мать моей маленькой дочери и моя партнерша, я надеюсь сделать с ней вместе еще много фильмов. Но в то же время мы разные люди, не говоря о том, что я мужчина, она женщина, я француз, она итальянка. Часто мы бываем заняты в разных проектах и подолгу не ви-

димся. Если ты требуешь свободы, то должен предоставить ее и другому. Но в чем-то мы очень схожи, а иногда мне кажется, что Моника даже безумнее меня: возьмите хотя бы роль, на которую она решилась в «Необратимости» (она играет женщину, которую насилуют в подземном переходе). — «Коммерсант-Weekend». В «Шайтане», конечно, она сыграла камео для меня — как член семьи, как друг. И ей понравился фильм! — А ваш отец, актер Жан-Пьер Кассель, — он видел картину? — Я стал актером благодаря отцу. Он привил мне

вкус к профессии, дал понять значение пластики и танца. Но все, что я делал в дальнейшем, было вопреки его советам. — Вас разделяют политические взгляды? — В какой-то степени и это. Моя мать — журналистка, ресторанный критик. Отец всю жизнь играл очаровательных, изысканных представителей буржуазии. Я же предпочитаю провокативные, брутальные роли. — Благодаря этим провокативным ролям вы в свои 39 лет остаетесь кумиром молодежи. — По крайней мере, я по-прежнему занимаюсь скейтбордингом, а не ва-

ляюсь на пляже. Если бы я не получал удовольствие от своей работы, я бы давно все бросил и уехал на серфинг в Бразилию. Я не работаю ради денег — то есть не бесплатно, конечно, но деньги не цель, а только средство. — Вы связаны с режиссерами Гаспаром Ноэ, Яном Куненом, Мэтью Кассовицем. Что вас соединяет? — У нас есть сходное отношение к жизни, к сексу, к насилию. Но с этими людьми нельзя постоянно находиться в одной группе, это как супружество: иногда надо развестись, чтобы соединиться опять.

— Люк Бессон не входит в число ваших любимых героев? — Я ничего не имею против Бессона как человека, но не принимаю его профессиональный цинизм. Нельзя до седых волос болтаться с молодежью и продавать ей продукты из «Макдоналдса», разбавленные репом. — Вернемся к вашей актерской карьере. Вы снимаетесь в Голливуде в ролях «плохих парней»... — Да, однажды сыграл в фильме с Николь Кидман плохого русского: таких много в Париже, так что было с кого срисовывать. Впрочем, это скорее стереотип вос-

точного европейца, в отличие, скажем, от типичного представителя латинских кровей. Играл и плохих итальянцев, и кого только не играл. Стараюсь делать эти роли не совсем примитивными. Но сниматься в Америке не есть моя мечта. Скорее мне хотелось бы работать во французском кино, но так, чтобы эти фильмы смотрели во всем мире. — Как смотрели «Ненависть» и «Добермана»? — Да, эти картины имели одинаковый успех во Франции и за границей. Может, такое произойдет и с «Шайтаном», не знаю. Знаю только, что фильм

пропитан подлинной энергией. — Что вы думаете о недавних социальных взрывах во французских городах? — Я предчувствовал нечто подобное еще десять лет назад, когда снимался в «Ненависти», посвященной вызреванию конфликта. И вот оно случилось. С моей точки зрения, это была красивая революция, нет человеческих жертв. Но, если не будут решены проблемы образования и социальной защиты, взрыв повторится. Лицо французской молодежи изменилось. Надо принять новую реальность.